

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.А. Баженова

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

РАБОТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: АНАЛИЗ ДИНАМИКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА DEA

Аннотация. В постсоветских странах тема реформирования полиции, судов и тюрем (система уголовного правосудия — СУП) ныне широко обсуждается. Чтобы улучшить ситуацию, важно предварить процесс реформирования межстрановым сравнением результативности работы этой системы. Такой анализ помогает убедиться в реальной необходимости реформ, определить их возможные направления и значения целевых показателей. Можно ли оценивать результативность СУП всесторонне, не игнорируя социально-экономический контекст, динамически на национальном уровне, используя открытые данные? Принимая во внимание методологические и содержательные ограничения (отсутствие данных, недостающие значения, изменение методологии анализируемых показателей, различные представления о надлежащей работе СУП), видимо, имеет смысл опираться на расчет интегрального показателя результативности СУП. Он позволяет в контексте социально-экономической ситуации рассмотреть изменения результативности во времени и проанализировать максимально возможное количество стран, не исключая возможности дальнейшего усложнения статистического анализа.

Модель на основе метода DEA (Data Envelopment Analysis — или «анализ среды функционирования») позволяет решить поставленную задачу. Она включает 8 переменных, описывающих функционирование СУП, его субъективное восприятие, загруженность и ресурсообеспеченность для 31 страны в 2004, 2008 и 2014 гг. В статье выявлены четыре основные тенденции изменения показателя результативности работы СУП с течением времени. Рассмотрены основные возможные причины полученной динамики для девяти стран — наиболее ярких представителей выявленных тенденций. Полученный индекс сам по себе более информативен, чем существующие оценки СУП, а также может быть легко использован в дальнейшем статистическом моделировании, в частности кластеризации, SEM-моделировании и т.д.

Ключевые слова: *межстрановые сравнения, результативность системы уголовного правосудия, ресурсная обеспеченность.*

JEL: BA14, Z13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_146_162.

Введение

Цель данного исследования — оценка возможности создания комплексного показателя, описывающего деятельность органов уголовного правосудия на национальном уровне. Предлагаемая гипотеза состоит в том, что существует набор наиболее точно описывающих результативность полиции, судов и тюрем показателей, использование которых поможет количественно оценить их результативность с помощью единого индекса, пригодного для использования в дальнейшем статистическом моделировании. Например, такой показатель результативности может применяться в SEM-моделировании, описывая взаимосвязь между работой органов уголовного правосудия и национальным уровнем преступности, anomией, особенностями правовой системы в государствах и т.д.

Вопрос о правомерности и целесообразности изучения результативности органов уголовного правосудия стал активно рассматриваться уже во второй половине XX в. Активные исследования влияния правовой сферы на экономическую начались после Второй мировой войны, когда страны третьего мира освободились от колониальной зависимости, а развитые страны разработали программы помощи им, включая попытки перенести практику своих правовых систем в жизнь развивающихся стран для содействия их социально-экономическому развитию.

Затем стало набирать силу движение «Право и развитие». Активно начавшиеся тогда исследования известны как первая волна этого движения [*The New Law...*, 2006. P. 77]. В рамках теории модернизации, которая во многом составляла теоретическую основу данного направления, предполагалось, что адаптация «современного права» создаст нормативные предпосылки для быстрого развития бывших колоний. Сегодня известно, что результаты были весьма далеки от ожидаемых, поскольку в развивающихся странах не было необходимых культурных, политических и социально-экономических условий для трансплантации правовых институтов развитых государств.

В конце 1980-х и 1990-х гг. после краха социалистической системы возникла вторая волна движения «Право и развитие» [*Trubek, Santos*, 2006. P. 1]. Она сопровождалась либеральными экономическими реформами в бывших социалистических и развивающихся странах Азии и Латинской Америке, а также правовыми новациями. Эта волна существенно изменила правовые системы многих стран мира, что определило характер многих социально-экономических и политических проблем.

По мнению ряда исследователей, третья волна движения «Закон и развитие» началась в конце 1990-х гг. [*Trubek, Santos*, 2006. P. 2] и продолжается по сей день. Она связана с осмыслением опыта трансформации 1990-х гг. (как и в предыдущий период), прежде всего за счет более широкого включения в анализ социальных, культурных и исторических факторов. Это повлияло как на успех, так и на провал преобразований в бывших социалистических и развивающихся странах, в частности в странах Восточной Азии (Корея, Тайвань, Сингапур и Китай). Неудачи предыдущего периода модификаций привели к переосмыслению роли принципа верховенства закона, реализация которого рассматривается все большим числом исследователей не как средство достижения социально-экономического развития, а как важная самостоятельная цель. Некоторые исследователи также ставят более обширные задачи по разработке общей теории под эгидой «закона и развития», которая объединяла бы широкий спектр правовых, экономических, политических и социальных факторов и описывала механизм воздействия закона на развитие общества как в развитых, так и развивающихся странах [*Yong-Shik*, 2017. P. 415].

Однако в настоящее время все еще не ясно, как связаны сферы права и социально-экономического развития на эмпирическом уровне, поскольку нет достаточно масштабных работ, основанных на конкретных межстрановых данных. Дело в том, что правовые системы различаются на уровне страны и соответствующие исследования также должны

проводиться на межстрановом уровне для определения имеющегося воздействия. Потому данное исследование направлено на изучение важнейших факторов деятельности полиции, судов и тюрем. В частности, аналитический взгляд фиксируется на том, есть ли возможность создать сложный индикатор на основе открытых источников статистических данных. В дальнейшем полученные результаты могут быть использованы в SEM-моделировании или другом эконометрическом исследовании, позволяющем оценить взаимосвязь между функционированием системы уголовного правосудия и, например, уровнем преступности, уровнем аномии, особенностями правовой системы и т.д.

Для достижения вышеупомянутой цели в исследовании проводится динамическая межнациональная оценка результативности системы уголовного правосудия. Сильной стороной такого подхода является способность преобразовывать сложную динамику, объединяющую производительность, наличие ресурсов и ограничения, в количественную форму. В рамках данной статьи предполагается, что результативность системы уголовного правосудия по сравнению с другими отраслями государственной правоохранительной системы, во-первых, лучше всего описывается количественными открытыми данными. Во-вторых, она с наименьшим количеством исключений подвергается межнациональному сравнению и типологии в отличие, например, от характеристик системы противодействия административным правонарушениям. В-третьих, в контексте субъективной оценки работы системы населением и экспертной оценки уровня коррупции органов государственной власти данный подход способен отразить основные возможности и ограничения законодательной системы страны в целом.

Работа структурирована следующим образом. В первом разделе представлены обзор основной литературы, в которой исследуется взаимосвязь между результативностью системы уголовного правосудия и социально-экономическим развитием, а также вопросы и гипотезы исследования наряду с обзором работ, использующих похожие элементы эмпирической стратегии. Следующий раздел посвящён обоснованию методологии, принятой в данном исследовании, наряду с кратким описанием подхода, используемого для оценки результативности работы системы уголовного правосудия. В третьем разделе представлены результаты анализа совокупности данных, указывающих на важнейшие типы результативности системы уголовного правосудия в соответствии с факторами, включенными в анализ. В следующем разделе обсуждаются результаты и основные ограничения исследования. В последнем разделе говорится о политических и исследовательских перспективах исследования.

Роль системы уголовного правосудия в социально-экономическом развитии государства

Анализ имеющейся литературы свидетельствует об отсутствии обобщающих исследований системы уголовного правосудия, основанных на конкретных эмпирических данных. В некоторой степени такие исследования проводились в рамках Европейского института по предупреждению преступности и борьбе с ней, аффилированного с ООН (HEUNI), о целесообразности, возможностях и ограничениях межстранового анализа систем уголовного правосудия (см., в частности, работы [*Crime and Criminal Justice...*, 2008. Pp. 9, 94; *International Statistics on Crime...*, 2010. Pp. 87]). В них обосновывались основные методы работы с динамическими рядами в статистике уголовного правосудия, рассматривались подходы к кластеризации с использованием категориального метода главных компонент и анализа данных с пропущенными значениями. Также важно учитывать не только методологические, но и политические аспекты изучения криминологией количественного аспекта сложных явлений, таких как виктимизация (см.: [Lauritsen, 2010. P. 501]).

Наряду с этим, в некоторых работах затрагивается вопрос обоснованности межнационального подхода при исследовании системы уголовного правосудия; разъясняется необходимость сравнения национальных количественных данных по уголовной статистике нескольких государств для повышения результативности реформ в правовой системе страны [Tonry, 2015. P. 505]. Подчеркивается, что межнациональный анализ помогает защитить законодательные органы от ошибок, допущенных в других странах, найти новые решения проблем, связанных с коррумпированностью органов уголовного правосудия [Nelken, 2010. P. 11]. Кроме того, оценивалась результативность работы полиции и уровень законности действий органов уголовного правосудия путем построения интегрированных показателей «Индекс результативности полиции» и «Индекс законности» [Van Dijk, 2008. P. 145].

Стоит отметить наличие исследований, затрагивающих территориальный аспект криминологических явлений не на национальном, а на региональном уровне. Такое приближение позволяет, например, использовать байесовские модели пространства-времени для анализа динамических данных о преступности в отдельных муниципалитетах [Law, Quick, Chan, 2014. P. 57], а также распределений Бенфорда в штате и даже с точностью до улицы [Hickman, Rice, 2010. P. 333]. При этом отмечается важность анализа различий между национальными и региональными тенденциями уровня преступности с использованием панельных данных [McDowall, Loftin, 2009. P. 307].

Несомненный интерес представляют эмпирические исследования той или иной части системы уголовного правосудия. К ним относится, например, исследование [Alford, 2000. P. 125], родившееся как ответ на фундаментальный труд М. Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». В нем критикуется точка зрения Фуко за представление власти как центра общественной жизни, а тюрьмы — как децентрализованной сети, позволяющей государству осуществлять иерархический надзор и дисциплинарный контроль [Фуко, 2015. С. 279]. На примере американских тюрем с повышенным уровнем безопасности это исследование констатирует отсутствие суровых дисциплинарных мер в тюрьмах, о которых писал Фуко, и определяет количество заключенных как единственный неизменно важный показатель для контроля над тюремной системой.

Как правило, исследования, в которых анализируются количественные данные о деятельности полиции, судов и тюрем в разных странах, не принимают во внимание их взаимосвязь с показателями, характеризующими другие сферы общества. Так, в исследовании Института проблем правоохранительной деятельности анализируется результативность полиции с точки зрения финансирования как доля расходов полиции в ВВП России [Волков, Григорьев, Дмитриева, Моисеева, Четверикова, 2012. С. 6]. В нем также приводится межстрановой анализ, который включает, помимо некоторых стран СНГ, европейские страны, Бразилию, Нигерию и Южную Африку. Рассчитанные в данной работе индексы борьбы с преступностью и применения насилия для разрешения конфликтных ситуаций позволили оценить результативность работы российской полиции как низкую, в связи с чем было предложено сократить ее численность.

Социальный контекст в целом отмечается отдельными криминологами как неотъемлемый компонент анализа криминальных явлений. Например, [Chamlin, Myer, 2009. P. 371] описывают связь между уровнем преступности и количеством арестованных. Кроме того, при анализе деятельности органов уголовного правосудия стоит упомянуть условие, при котором повышение качества работы полиции и снижение уровня преступности не меняет отношения общества, описываемого с помощью концепции процессуального правосудия, — то, как правоохранительная система обращается с гражданами.

Несколько исследований подтвердили тесную связь между этими условиями и реакцией людей на полицию [Lind, Tyler, 1988. P. 221; Tyler, 2003. P. 283; Handbook of Justice, 2001. P. 65; Sunshine, Tyler, 2003. P. 555]. Если действия полиции считаются справедливыми, то они

рассматриваются населением как законные [Murphy, Hinds, Fleming, 2008. P. 136; Reising, Bratton, Gertz, 2007. P. 1005]. Также отмечается, что легитимность полиции чрезвычайно важна для населения страны и напрямую зависит от процессуальной справедливости в ее деятельности, поскольку сотрудники могут действовать в рамках закона, но не быть узаконенными обществом, о чем говорится в специальной публикации Кембриджского комитета от 2010 г.¹.

Также отмечается необходимость анализа данных о взаимодействии системы уголовного правосудия с беднейшими слоями населения, отсутствие информации о которых снижает результативность государственной уголовной политики по отношению к наиболее уязвимым гражданам [Hashimoto, 2011. P. 31; Meloni, 2014. P. 28]. Аналогичные выводы сделаны для сообществ мигрантов [Miles, Cox, 2014. P. 937]. Некоторые аспекты финансирования системы уголовного правосудия, в частности дифференциация воздействия бюджетной реформы полиции на определенные виды преступлений, исследователи описывают с точки зрения социальных издержек [Palmer, Phillips, Sullivan, 2019. P. 34].

В то же время в литературе отсутствуют исследования, которые основывались бы на анализе интегральных показателей, позволяющих оценить деятельность полиции, судов и тюрем с точки зрения ресурсной обеспеченности и отношения населения к правоохранительным органам на основе пространственно-временных данных. Это препятствует проведению обобщенного анализа результативности системы уголовного правосудия.

Эмпирическая стратегия

Результативность системы уголовного правосудия (далее СУП), то есть способность полиции, судов и тюрем достичь своих целей, обычно оценивается с помощью ряда количественных показателей, которые характеризуют определенные аспекты ее функционирования. В частности, УНП ООН предоставляет большой набор данных о количественных результатах и возможностях систем уголовного правосудия. Например, учитывается количество граждан страны, которые официально контактировали с полицией, количество осужденных, количество заключенных, количество персонала в судах, тюрьмах и т.д.

Такие данные удобно использовать, например, для ежегодной оценки динамики развития отдельного подразделения СУП, чтобы дать системным менеджерам представление о размере и «масштабах» полиции, судов и тюрем. Тот факт, что такие наборы данных продолжают собираться и обрабатываться, указывает на потребность в них, что, вероятно, связано с необходимостью краткого описания текущего состояния системы на национальном уровне и обоснования решений о необходимости ее реформирования и характере возможных реформ.

Однако целесообразность использования таких «вакуумных» данных в отрыве от социально-экономического контекста вызывает сомнения. У этой практики есть ряд недостатков. Во-первых, выделяются методологические недостатки: ряды данных часто неполны и представлены не по всем странам, что затрудняет международные сравнения, иногда необходимые для анализа результативности реформ за рубежом. Кроме того, многие ключевые показатели, например численность судебного персонала, для многих стран начали собираться намного позже, чем «базовые», такие как количество официальных контактов населения с полицией в год. Также стоит отметить, что за десятилетия наблюдений методология сбора данных неизбежно меняется и это может повлиять на динамику некоторых показателей (что, вероятно, отражается в данных о численности персонала

¹ The Cambridge Review Committee. (2010). Missed opportunities shared responsibilities: Final report of the Cambridge Review Committee. Police Executive Research Forum. Retrieved from https://www2.cambridgema.gov/CityOfCambridge_Content/documents/Cambridge%20Review_FINAL.pdf (дата обращения: 16.03.2019).

в системе уголовного правосудия США, поэтому страну пришлось исключить из анализа). В результате без восстановления пропущенных значений такие данные нельзя использовать для анализа временных рядов на межстрановом уровне.

Во-вторых, если на основе таких данных анализируются работы исследователей или государственных служащих из разных стран, то мы сталкиваемся с различиями в их понимании функционирования системы уголовного правосудия, а значит, возникают трудности при сопоставительном анализе. Кроме того, при введении в действие концепции производительности использование только количественных данных, например, о людях, прошедших через систему или обслуживающих ее, делает анализ односторонним и, по сути, бесполезным, поскольку одно и то же число полицейских и заключенных в каждой стране говорит о совершенно разных состояниях системы уголовного правосудия.

В то же время необходимость межстранового сравнения результативности системы уголовного правосудия давно доказана другими исследованиями. Такие исследования полезны для оценки необходимости и возможных направлений реформирования системы уголовного правосудия на государственном уровне, основанной на международном опыте (см., например: [Tonry, 2007. P. 9]).

Возможно ли всесторонне оценить результативность системы уголовного правосудия, принимая во внимание социально-экономический контекст, на национальном уровне, исходя из ее сопоставления с международными данными? Ответом, учитывая перечисленные методологические и содержательные проблемы, видится создание интегрального показателя результативности органов уголовного правосудия, который позволил бы комплексно в контексте социально-экономической ситуации в стране оценивать результативность системы органов уголовного правосудия, посмотреть на ее изменение во времени и соотнести с максимально возможными показателями, полученными в других странах. В то же время использование многих статистических методов здесь невозможно из-за «сырости» данных, поэтому метод DEA был выбран как лучший вариант в данной работе.

Его выбор обусловлен возможностью оценки любого числа единиц принятия решений (в данном случае стран), включения практически любого количества зависимых и независимых переменных в модель результативности без предварительной стандартизации (кроме случаев перекодирования индексов, которые обсуждаются ниже). Возможен также учёт контекста рассматриваемого явления с использованием переменных окружающей среды, отдачи от масштаба, исправления систематических ошибок в анализе и оценки динамики результативности в отдельные моменты времени (при сохранении состава единиц, принимающих решения).

Недостатком метода является жёсткое требование к полноте набора данных, поэтому мы предварительно провели многократные вменения недостающих значений показателей. Данные для этой работы были вменены, чтобы использовать упомянутое намерение рассмотреть показатели в динамике (в данном исследовании рассматриваются три временных момента — 2004, 2008 и 2014 гг.). Нельзя не отметить и невозможность использования отрицательных значений данных — индексы с отрицательными значениями необходимо перекодировать (в частности, в данной работе оценки индикаторов Всемирного банка были перекодированы) и выбирать показатели, увеличение которых приводит к увеличению значения результативности (следовательно, исходные индексы политических и гражданских свобод Freedom House, где самые свободные страны имеют значение 1, а наименее свободные страны — 7, также были перекодированы). Выбор временных точек обусловлен привязкой к экономическому кризису 2008 г. как поворотному моменту в экономике большинства стран, предположительно оказавшему существенное влияние на показатели, используемые в данной работе.

Метод множественных вменений (полностью условная спецификация) представляется оптимальным, поскольку позволяет восстанавливать значения с учетом данных не

только «потенциально излечимого» временного ряда, но и дополнительных предикторов (восстановление основано на принципе линейной регрессии). В данном случае предикторами выступили показатели ВВП по ППС и показатель борьбы с коррупцией Всемирного банка как наиболее полные и помогающие сделать более точное предположение о характере корректировки восстановленных значений. Расчёт производился для стран, в которых наблюдалось не более 35% пропущенных значений временного ряда любого из рассматриваемых показателей. В результате условное исчисление сделало возможным анализ во времени — без него данных в исходном временном ряду за 2004 г. было бы достаточно только для 11 стран, в то время как его использование позволило сравнить 32 страны за три года наблюдения. Дальнейшее увеличение количества рассматриваемых стран возможно только при сокращении количества включенных в анализ показателей, что лишит его комплексного характера².

В результате, учитывая возможности и ограничения метода DEA, была выбрана модель с указанными ниже переменными.

Зависимые переменные

Такие вопросы Gallup World Poll, как «Доверие местного полицейского населения, измеряемое ответом на вопрос “В городе или районе, где вы живете, доверяете ли вы местной полиции?”» и «Чувствуете ли вы себя в безопасности, гуляя ночью в одиночестве по городу или району, где вы живете?» были выбраны в качестве источника данных о субъективной оценке населением уровня виктимизации. Учитывалась доля положительных ответов на эти вопросы. Стоит отметить, что эти данные использовались и в других исследованиях в качестве меры социального и институционального доверия (см. например: [Audretsch, Seitz, Rouch, 2018. P. 71]). Этот показатель уверенности также применялся для межстранового исследования взаимосвязи между доверием и коррупцией [Clausen, Kraay, Nyiri, 2011. P. 212], а также между доверием и будущей удовлетворенностью жизнью [Macchia, Plagnol, 2019. P. 721], социальными поведенческими нормами и успешностью работы правоохранительных органов [Pechansky, Chandran, Sousa, 2016. P. 161].

В моделировании DEA в этом случае в качестве зависимой переменной указываются детерминанты результативности работы полиции, судов и тюрем. Используемая модель нацелена на максимизацию значений переменных вывода: она основана на концепции, согласно которой ресурсы, затрачиваемые на систему уголовного правосудия, должны эффективно использоваться системой, чтобы в конечном итоге население чувствовало себя в безопасности и оценивало уровень преступности как низкий.

² Стоит отметить, что метод не предполагает расчета показателя результативности для одной страны: всегда сопоставляются несколько единиц принятия решений для оценки их результативности и определения возможных вариантов развития или оптимизации их функционирования. В рамках данной работы значения интегрального показателя результативности для рассматриваемых стран последовательно (в трёх временных точках) рассчитываются по модели, указанной в Приложении Б, с использованием перечисленных далее переменных. Затем анализируется динамика полученного показателя и возможные причины ее изменения. Замечу, что метод DEA в сочетании с методами сетевого анализа позволяет оценить потенциальную результативность стран при изменении ее ресурсной обеспеченности и, как следствие, роль экономических факторов в работе органов уголовного правосудия. Кроме того, сетевой анализ в сочетании с DEA дает возможность оценить межстрановой аспект результативности уголовного правосудия, например, через расчет кросс-эффективности — роли взаимного влияния стран на результативность работы их систем уголовного правосудия. Применение методов сетевого анализа остается за рамками данной работы. Однако это является одним из возможных дальнейших направлений работы с полученным интегральным показателем.

Независимые переменные

Показатели загруженности полиции и судов призваны отражать доступность ресурсов и результативность анализируемой системы на национальном уровне. Объем работы полиции рассчитан на основе данных УНП ООН. Показатель представляет собой отношение количества людей, имевших официальный контакт с органами уголовного правосудия, к количеству сотрудников полиции. Загруженность судов также рассчитывается на основе данных УНП ООН как отношение количества осужденных к количеству сотрудников судов и мировых судей.

Эти данные редко используются в количественных криминологических исследованиях. Среди наиболее ярких примеров — исследование кумовства в полиции Албании и Грузии [Hensell, 2012. P. 811], палочная система в России [Paneyakh, 2014. P. 115], ряд работ по торговле людьми [Bello, 2018. P. 140; Broussard, 2017. P. 118] и сексуальному насилию [Keenan, Zinsstag, O’Nolan, 2016. P. 86]. Особо стоит выделить исследование, авторы которого стремятся статистически объяснить уровень убийств в 145 странах, в том числе на основе этих данных [Ouimet, Langlade, Chabot, 2018. P. 241].

Переменные среды

Одно из преимуществ использования метода DEA — возможность использовать переменные среды, которые могут косвенно влиять на показатели результативности. Следующие несколько переменных были выбраны, чтобы учесть контекст, в котором существуют другие переменные.

Во-первых, Всемирный банк оценивает ВВП по ППС как «меньшее из зол» в международных сопоставлениях экономических условий в разных странах и их способности финансировать систему уголовного правосудия. Эти данные чрезвычайно широко используются в различных исследованиях, будь то изучение взаимосвязи между неравенством и субъективным восприятием справедливости [Stewart, 2016. P. 60], нерациональное использование капитала правоохранительной системы [Schneider, 2019. P. 1], бедность, неравенство, преступность и социальные расходы [Anser, Yousaf, Nassani, Alotaibi, Kabbani, Zaman, 2020. P. 1], уровень преступности, индекс нищеты и демократия [Saboor, Sadiq, Khan, Hameed, 2017. P. 31], макроэкономическая неопределенность [Goulas, Zervoyianni, 2013. P. 420], уязвимость от преступности и международный туризм [Nassani, Aldakhil, Abro, Zaman, 2018. P. 1201] или перераспределение предпочтений между богатыми и бедными [Rueda, Stegmueller, 2016. C. 472].

Во-вторых, во внимание принимаются оценки Всемирного банка по борьбе с коррупцией как способ решения системных проблем, связанных со взяточничеством и недобросовестностью сотрудников СУП в целом. Вопросы коррупции с использованием этих данных также неоднократно поднимались многими исследователями, например, при рассмотрении взаимосвязи между экономическими, политическими и правовыми институтами и показателем числа тюремных заключений [D’Amico, Williamson, 2019. P. 217], вертикальным равенством и преступностью [Stewart, 2016. P. 60], детерминантами коррупции [Goel, Mazhar, Nelson, 2016. P. 1220; Abu, Staniewski, 2019. P. 3058; Kubbe, 2018. P. 217] и способами борьбы с ней [Capasso, Goel, Saunoris, 2019. P. 329].

В-третьих, используются индикаторы политической и гражданской свободы Freedom House как способ учета возможностей и ограничений граждан при взаимодействии с государственной системой уголовного правосудия. Этот показатель также не является широко используемым, но есть несколько примеров их применения при изучении политической функции телесных наказаний и смертной казни [Druzin, Wan, 2015. P. 357].

Для расчетов модель, направленная на максимизацию значений выходных переменных, была выбрана как наиболее приемлемая (т.е. предполагается, что система уголовного правосудия направлена на формирование чувства доверия к органам уголовного правосудия и защите ее представителей на бытовом уровне в максимально возможной доле населения страны). В этом случае отдача от масштаба считается постоянной, а также выполняется коррекция смещения³. Общая логика расчетов в рамках эмпирического анализа приведены в Приложении В, результаты спецификации модели — в Приложении Б.

Результаты исследования

При анализе динамики рассчитываемого показателя результативности, значения которого представлены в Приложении А, можно выделить четыре ситуации его изменения (перечислены по возрастанию распространенности):

- ▶ рост в 2008 г. по сравнению с 2004 г., снижение в 2014 г. по сравнению с 2008 г.: наиболее значительные скачки показателя в этой группе стран наблюдались в Польше;
- ▶ рост в 2008 году по сравнению с 2004 г., рост в 2014 г. по сравнению с 2008 г.: наиболее значительные скачки показателя в этой группе стран наблюдались в Панаме;
- ▶ снижение в 2008 г. по сравнению с 2004 г., снижение в 2014 г. по сравнению с 2008 г.: наиболее значительные скачки показателя в этой группе стран наблюдались на Кипре, в Эстонии, Словакии;
- ▶ снижение в 2008 г. по сравнению с 2004 г., рост в 2014 г. по сравнению с 2008 г.: наиболее значительные скачки показателя в этой группе стран наблюдались в Финляндии, Австралии, Южной Корее, Албании.

Рассмотрим, чем вызвано изменение показателя в ранее упомянутых странах по каждой группе.

- ▶ *Польша*. Крайне низкий уровень результативности в 2004 г. не согласуется с динамикой составных показателей индекса результативности: они менялись не так значительно, как рассчитанный показатель. Следовательно, низкое значение в 2004 г. определилось соотношением ситуации в Польше с ситуацией в других странах из списка рассматриваемых: в 2004 г. Польша была одной из стран с самой высокой загруженностью судов.
- ▶ *Панама*. Скачок значения с 2008 — 2014 гг. соизмерим с ростом ВВП на 60%, а также с ростом показателя загруженности полиции на 55%, в то время как остальные рассматриваемые показатели не изменились столь же существенно. Похоже, что финансирование и нагрузка на местные полицейские силы были увеличены в этот период из-за массовых протестов по всей стране⁴.
- ▶ *Кипр*. Несмотря на то, что все показатели, включенные в модель, показали рост в период с 2004 по 2008 гг., за этот же период произошло почти шестикратное снижение показателя результативности. Это случилось, возможно, благодаря более высоким темпам роста остальных стран, включенных в анализ.
- ▶ *Эстония*. Снижение нагрузки на суды и полицию привело к сопоставимому снижению результативности системы с 2004–2008 гг. Менее серьезное, но все же снижение результативности с 2008–2014 гг. связано с 14-кратным уменьшением нагрузки на судебную систему. Вероятно, это связано с внесением поправок в Уголовно-

³ R Documentation — DEA. Robust <https://www.rdocumentation.org/packages/rDEA/versions/1.2-6/topics/dea.env.robust> (дата обращения: 17.09.2020).

⁴ Department of State: 2014 Investment Climate Statement. <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/228197.pdf> (дата обращения: 17.09.2020).

процессуальный кодекс, вступивших в силу 1 сентября 2011 г., которые ускоряют судебное разбирательство и усиливают защиту несовершеннолетних. В частности, появилась возможность не вызывать в суд несовершеннолетних, а вместо этого использовать в качестве доказательств их показания, данные в ходе следствия, и видеозаписи и видеоконференцсвязи в судах. Для решения вопроса о неоправданно длительных судебных разбирательствах в ходе данной реформы предоставлена возможность подать ходатайство об ускорении судебного разбирательства. Поправки также установили, что в случае, если уголовное дело не может быть рассмотрено в разумные сроки и нарушение права обвиняемого на рассмотрение уголовного дела в разумные сроки не может быть устранено каким-либо другим способом, суд может с согласия обвиняемого также прекратить уголовное дело⁵.

- ▶ *Словакия.* Четырехкратное снижение производительности с 2004–2008 гг. связано с почти десятикратным сокращением нагрузки на судей (с 201,54 осужденных на судью в 2004 г. до 20,66 в 2008 г.). Вероятно, это также связано с реформами тех лет, ориентированными на результативность системы уголовного правосудия⁶. Они начали приносить результаты, и к настоящему времени словацкая система правосудия, по мнению экспертов международных аналитических организаций, в значительной степени справляется со своей нагрузкой.
- ▶ *Финляндия.* Страна с наивысшими показателями CJS за отчетный период. С 2008–2014 гг. наблюдался значительный рост показателей DEA, в то время как количественно переменные модели практически не изменились. Вероятно, как и в случае с Кипром, это связано с тем, что остальные страны, условно говоря, не смогли удержаться на плаву и не допустить сильного снижения показателей, входящих в модель в посткризисный период.
- ▶ *Австралия.* Снижение результативности с 2004 — 2008 гг. связано с почти девятикратным снижением значения показателя загруженности судов (с 323,54 в 2004 г. до 37,68 в 2008 г.). Последующий рост, вероятно, связан с увеличением обязанностей, возлагаемых на судей: в частности, в отдельных источниках отмечается их необходимость сверхурочно работать, чтобы успевать рассматривать дела как можно быстрее, а в отдельных случаях судья берет на себя обязанность коронера, что также замедляет процесс рассмотрения дела⁷. Также судьи отмечают такие повышающие нагрузку факторы, как большое число самостоятельно представленных сторон. Это усложняет роль исполнителей в суде, увеличение объемов дел, их усложнение. Стоит учитывать и неосведомленность средств массовой информации, и растущие темпы законодательных изменений⁸.
- ▶ *Южная Корея.* Менее значительное, чем в других странах, но все же довольно существенное снижение показателей DEA с 2004–2008 гг., сопоставимое с уменьшением нагрузки на полицию, суды и повышение доверия к полиции со стороны населения. Снижение нагрузки на судебную систему отмечается в документах, которые описывают предпринятую в Южной Корее дифференциацию судов, например, отдельное

⁵ Consideration of the Fifth Periodic Report of the Republic of Estonia submitted under Article 19 of Convention at the 50th session of the Committee against Torture. https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CAT/Shared%20Documents/EST/INT_CAT_STA_EST_12821_E.doc (дата обращения: 16.09.2020).

⁶ 2020 Rule of Law Report Country Chapter on the rule of law situation in Slovakia. https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/sk_rol_country_chapter.pdf (дата обращения: 16.05.2020).

⁷ 'No relief': chief magistrate warns that Local Court at breaking point. <https://amp.smh.com.au/national/nsw/no-relief-chief-magistrate-warns-that-local-court-at-breaking-point-20190825-p52khn.html> (дата обращения: 16.05.2020).

⁸ NSW Local Court In Crisis. <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=6a83fc4c-1c8b-434b-b938-d5a2f27ed99b> (дата обращения: 16.05.2020).

создание судов по семейным делам⁹, а повышение доверия населения к полиции отмечается в документах, описывающих успехи органов прокуратуры в борьбе с коррупцией¹⁰.

- ▶ *Албания.* Четырехкратное повышение результативности с 2008–2014 гг. было наиболее соизмеримо с увеличением рабочей нагрузки полиции (с 1,36 человек с официальным контактом на одного сотрудника полиции в 2008 г. до 3,07 в 2014 г.). Это согласуется с данными о том, что в 2013 г. в Албании началась разработка поправок к Гражданскому и Уголовно-процессуальному кодексам. Один набор поправок дает судьям право налагать штрафы на адвокатов, которые постоянно отсутствуют на судебных слушаниях по гражданским и уголовным делам, тогда как второй ограничивает типы апелляций, которые могут быть поданы в Верховный суд. Также в рассматриваемый период были приняты меры по повышению ответственности судей и прокуроров путем законодательного закрепления порядка лишения их неприкосновенности и применения дисциплинарных взысканий¹¹.

Видно, что значение показателя результативности в ранее упомянутых странах, как правило, было соизмеримо с показателями загруженности судов, полиции и ВВП, т.е. согласовывалось с ресурсной обеспеченностью, но не всегда соответствовало субъективным оценкам населением системы уголовного правосудия.

Заключение

Таким образом, можно выделить следующие основные преимущества расчета интегрального показателя результативности органов уголовного правосудия. Во-первых, если по исходным данным (загруженность и переменные среды) страна проявила себя лучше остальных, то даже при отсутствии количественного соотношения этого с динамикой ее результативности за рассматриваемый период фиксировалось влияние данного фактора на значение показателя результативности. Во-вторых, индикатор действительно комплексно отражает изменение результативности, поскольку он охватывает многие из возможных факторов изменения, а не только один, выбранный по тем или иным причинам из открытых наборов уже существующих данных. Более того, при наличии входных данных анализа исследователь и любой желающий может установить, какой фактор больше повлиял на результативность полиции, судов и тюрем. Наконец, интегральный показатель представляет собой конкретное числовое значение, которое в дальнейшем можно использовать в статистическом анализе, что позволяет, например, моделировать системы одновременных уравнений или применять другие инструменты статистического моделирования.

При использовании данного интегрального показателя в дальнейшем структурном моделировании представляется целесообразным попытаться учесть особенности правовой системы рассматриваемых стран, а не включать их в расчет единого показателя на этапе DEA. Это могут быть такие признаки, как, например, наличие суда присяжных, отдельные аспекты оружейного законодательства, наличие смертной казни, порядок досудебного урегулирования дела, государственная позиция относительно легализации наркотиков

⁹ Developing Specialized Court Services: International Experiences and Lessons Learned. <http://documents1.worldbank.org/curated/en/688441468335989050/pdf/819460WP0Devel00Box379851B00PUBLIC0.pdf> (дата обращения: 16.05.2020).

¹⁰ The growth of specialised anti-corruption law enforcement units. <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264271029-12-en.pdf?expires=1612532521&id=id&accname=guest&checksum=28CB71FF3BB1FA367E004C419E741E65> (дата обращения: 16.05.2020).

¹¹ Albania's Progress in the Fight Against Corruption and Organised Crime and in the Judicial Reform. https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2014/al_report_june_2014.pdf (дата обращения: 16.05.2020).

и непосредственно тип правовой системы. Думается, целесообразно представить их как фиктивные переменные, которые удобно использовать в будущем при создании перекрестных переменных в моделируемой регрессии или других статистических моделях.

Также при дальнейшем моделировании представляется важным учитывать проблемы аномии в обществе и уровень преступности, регистрируемый официальными органами. Вопросы виктимизации косвенно учитываются опросом Gallup, данные которого используются в этом исследовании в качестве результирующих переменных. Поэтому интересно посмотреть в динамике на расхождение между этими показателями, когда-то рассматривавшимися в [Tonry, 2007. P. 9].

Приложение А

Таблица 1
Полученные значения DEA

Страна	2004 г.	2008 г.	2014 г.	Среднее значение
Албания	1,50	1,24	4,25	2,33
Австралия	15,28	5,42	6,93	9,21
Австрия	3,28	2,35	6,52	4,05
Босния и Герцеговина	2,85	1,40	2,02	2,09
Болгария	2,14	1,87	2,24	2,08
Чили	5,15	3,14	9,85	6,05
Колумбия	3,51	1,33	2,92	2,59
Хорватия	1,85	1,37	1,21	1,47
Кипр	11,29	1,80	1,50	4,87
Чехия	5,82	2,40	3,56	3,93
Дания	6,98	6,42	6,71	6,70
Эстония	10,87	5,70	2,80	6,45
Финляндия	29,32	29,17	48,56	35,68
Грузия	1,92	2,37	3,65	2,65
Венгрия	6,31	4,94	4,62	5,29
Исландия	4,89	3,35	5,42	4,55
Италия	2,68	3,56	4,34	3,52
Латвия	4,21	3,65	3,33	3,73
Литва	3,07	2,59	4,47	3,38
Черногория	1,39	1,30	1,22	1,30
Панама	2,77	4,36	9,00	5,38
Польша	1,41	5,16	4,99	3,86
Португалия	19,88	4,08	4,09	9,35
Республика Корея (Южная Корея)	22,37	20,52	21,87	21,59
Румыния	3,17	1,76	5,02	3,32
РФ	3,44	3,03	2,26	2,91
Сербия	1,28	1,67	1,46	1,47
Словакия	9,07	2,68	2,32	4,69
Словения	1,55	1,33	2,30	1,73
Испания	4,09	1,76	2,12	2,66
Швеция	6,55	5,64	9,32	7,17

Рассчитано по данным UNODC, Gallup World Poll, World Bank, Freedom House.

Результаты спецификации модели DEA

$$Y = \text{dea}[c(\text{'Confidence_in_Local_Police_Forces'}, \text{'Safety'})]$$

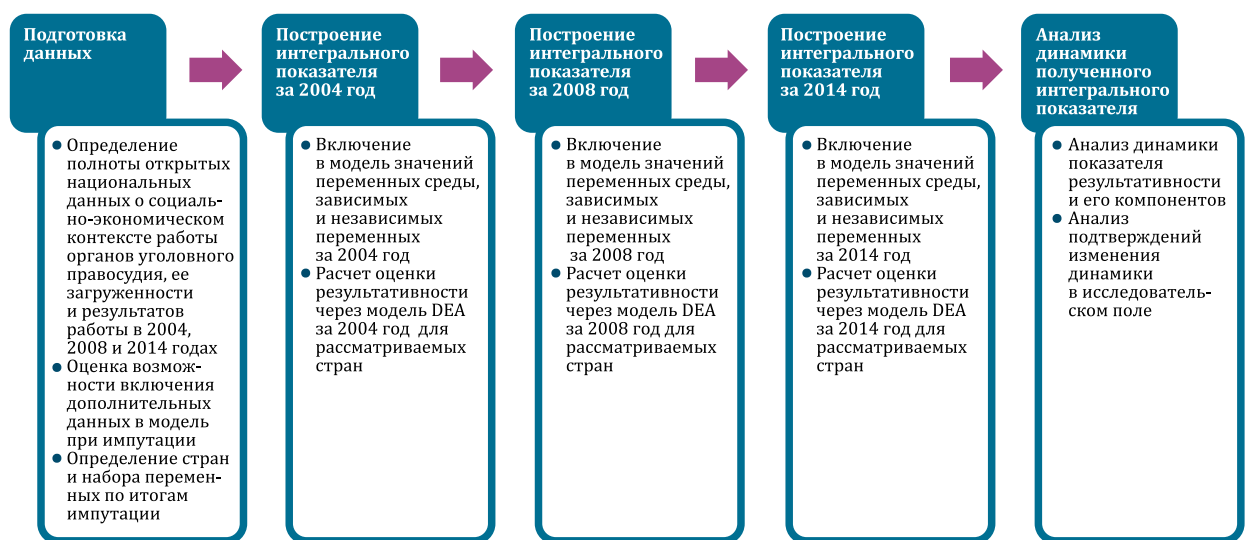
$$X = \text{dea}[c(\text{'Police_Load'}, \text{'Court_Load'})]$$

$$Z = \text{dea}[c(\text{'GDP_per_capita_PPP'}, \text{'Control_of_Corruption_Estimate'}, \text{'Political_Rights_Recode'}, \text{'Civil_Rights_Recode'})]$$

$$\text{di_env} = \text{dea.env.robust}(X=X[\text{countries,}], Y=Y[\text{countries,}], Z=Z[\text{countries,}], \text{model}=\text{"output"}, \text{RTS}=\text{"constant"})$$

$$\text{di_env}\$\text{delta_hat_hat}$$

Алгоритм расчета и анализа интегрального показателя результативности органов уголовного правосудия с помощью метода DEA.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков В.В., Григорьев И.С., Дмитриева А.В., Моисеева Е.Н., Четверикова И.В. (2012). Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования / Под научной ред. В.В. Волкова. — СПб.: ИПП ЕУ.
- Фуко М. (2015). Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ад Маргинем.
- Abu N., Staniewski M.W. (2019). Determinants of Corruption in Nigeria: Evidence from Various Estimation Techniques // *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*. Vol. 32. No. 1. Pp. 3058–3082.
- Alford C.F. (2000). What Would it Matter if Everything Foucault Said about Prison Were Wrong? Discipline and Punish after Twenty Years // *Theory and Society*. Vol. 29. No 1. Pp. 125–146.
- Anser M.K., Yousaf Z., Nassani A.A., Alotaibi S.M., Kabbani A., Zaman K. (2020). Dynamic Linkages between Poverty, Inequality, Crime, and Social Expenditures in a Panel of 16 Countries: Two-Step GMM Estimates // *Journal of Economic Structures*. Vol. 9. No 1. Pp. 1–25.
- Audretsch D.B., Seitz N., Rouch K.M. (2018). Tolerance and Innovation: The Role of Institutional and Social Trust // *Eurasian Business Review*. Vol. 8. No. 1. Pp. 71–92.
- Bello P.O. (2018). Criminal Justice Response to Human Trafficking in Nigeria and South Africa: Suggestions for Better Performance // *Contemporary Justice Review*. Vol. 21. No. 2. Pp. 140–158.
- Broussard G. (2017). Building an Effective Criminal Justice Response to Wildlife Trafficking: Experiences from the ASEAN Region // *Review of European Comparative & International Environmental Law*. Vol. 26. No. 2. Pp. 118–127.
- Capasso S., Goel R.K., Saunoris J.W. (2019). Is it the Gums, Teeth or the Bite? Effectiveness of Dimensions of Enforcement in Curbing Corruption // *Economics of Governance*. Vol. 20. No. 4. Pp. 329–369.
- Chamlin M., Myer A. (2009). Disentangling the Crime-arrest Relationship: The Influence of Social Context // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 25. No. 4. Pp. 371–389.

- Clausen B., Kraay A., Nyiri Z.* (2011). Corruption and Confidence in Public Institutions: Evidence from a Global Survey // *World Bank Economic Review*. Vol. 25. No. 2. Pp. 212–249.
- Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004.* (2008). *K. Aromaa, M. Heiskanen* (eds.). — Helsinki: Hakapaino Oy.
- D'Amico D.J., Williamson C.R.* (2019). An Empirical Examination of Institutions and Cross-Country Incarceration Rates // *Public Choice*. Vol. 180. No. 3. Pp. 217–242.
- Druzin B.H., Wan A.S.* (2015). The Theatre of Punishment: Case Studies in the Political Function of Corporal and Capital Punishment // *Washington University Global Studies Law Review*. Vol. 14. No. 3. Pp. 357–398.
- Goel R.K., Mazhar U., Nelson M.A.* (2016). Corruption Across Government Occupations: Cross-National Survey Evidence // *Journal of International Development*. Vol. 28. No. 8. Pp. 1220–1234.
- Goulas E., Zervoyianni A.* (2013). Economic Growth and Crime: Does Uncertainty Matter? // *Applied Economics Letters*. Vol. 20. No. 5. Pp. 420–427.
- Handbook of Justice Research in Law* (2001). *J. Sanders, V.L. Hamilton* (eds.). — New York: Plenum.
- Hashimoto E.J.* (2011). Class Matters // *Journal of Criminal Law & Criminology*. Vol. 101. No. 1. Pp. 31–76.
- Hensell S.* (2012). The Patrimonial Logic of the Police in Eastern Europe // *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. No. 5. Pp. 811–833.
- Hickman M., Rice S.* (2010). Digital Analysis of Crime Statistics: Does Crime Conform to Benford's Law? // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 26. No. 3. Pp. 333–349.
- International Statistics on Crime and Justice* (2010). *S. Harrendorf, M. Heiskanen, S. Malby* (eds.). — Helsinki: HEUNI.
- Kądziołka K.* (2016). Analysis of the Crime Rate in Poland in Spatial and Temporal Terms // *Central and Eastern European Journal of Management and Economics*. Vol. 4. No. 1. Pp. 81–96.
- Keenan M., Zinsstag E., O'Nolan C.* (2016). Sexual Violence and Restorative Practices in Belgium, Ireland and Norway: a Thematic Analysis of Country Variations // *Restorative Justice*. Vol. 4. No. 1. Pp. 86–114.
- Kubbe I.* (2018). Europe's «Democratic Culture» in the Fight against Corruption // *Crime, Law & Social Change*. Vol. 70. No. 2. Pp. 217–240.
- Lauritsen J.* (2010). Advances and Challenges in Empirical Studies of Victimization // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 26. No. 4. Pp. 501–508.
- Law J., Quick M., Chan P.* (2014). Bayesian Spatio-Temporal Modeling for Analysing Local Patterns of Crime Over Time at the Small-Area Level // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 30. No. 1. Pp. 57–78.
- Lind E.A., Tyler T.R.* (1988). *The Social Psychology of Procedural Justice*. — New York: Plenum.
- Macchia L., Plagnol A.C.* (2019). Life Satisfaction and Confidence in National Institutions: Evidence from South America // *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 14. No. 3. Pp. 721–736.
- McDowall D., Loftin C.* (2009). Do US City Crime Rates Follow a National Trend? The Influence of Nationwide Conditions on Local Crime Patterns // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 25. No. 3. Pp. 307–324.
- Meloni O.* (2014). Does Poverty Relief Spending Reduce Crime? Evidence from Argentina // *International Review of Law & Economics*. Vol. 39. Pp. 28–38.
- Miles T.J., Cox A.B.* (2014). Does Immigration Enforcement Reduce Crime? Evidence from Secure Communities // *Journal of Law & Economics*. Vol. 57. No. 4. Pp. 937–973.
- Murphy K., Hinds L., Fleming J.* (2008). Encouraging Public Cooperation and Support for Police // *Policing and Society: An International Journal of Research and Policy*. Vol. 18. No. 2. Pp. 136–155.
- Nassani A.A., Aldakhil A.M., Abro M.M.Q., Zaman K.* (2018). Effective International Tourism Management: A Strategic Approach // *Social Indicators Research*. Vol. 137. No. 2. Pp. 1201–1224.
- Nelken D.* (2010). *Comparative Criminal Justice: Making Sense of Difference*. — London: SAGE Publications Ltd.
- Ouimet M., Langlade A., Chabot C.* (2018). The Dynamic Theory of Homicide: Adverse Social Conditions and Formal Social Control as Factors Explaining the Variations of the Homicide Rate in 145 Countries // *Canadian Journal of Criminology & Criminal Justice*. Vol. 60. No. 2. Pp. 241–265.
- Palmer C., Phillips D.C., Sullivan J.X.* (2019). Does Emergency Financial Assistance Reduce Crime? // *Journal of Public Economics*. Vol. 169. No. 3. Pp. 34–51.
- Paneyakh E.* (2014). Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 2–3. Pp. 115–136.
- Pechansky F., Chandran A., Sousa T.* (2016). Bridging a Historical Gap: Can Changes in Perceptions of Law Enforcement and Social Deterrence Accelerate the Prevention of Drunk Driving in Low and Middle-Income Countries? // *Revista Brasileira de Psiquiatria*. Vol. 38. No. 2. Pp. 161–166.
- Reisig M.D., Bratton J., Gertz M.G.* (2007). The Construct Validity and Refinement of Process-Based Policing Measures // *Criminal Justice and Behavior*. Vol. 8. No. 34. Pp. 1005–1028.
- Rueda D., Stegmüller D.* (2016). The Externalities of Inequality: Fear of Crime and Preferences for Redistribution in Western Europe // *American Journal of Political Science*. Vol. 60. No. 2. Pp. 472–489.
- Saboor A., Sadiq S., Khan A., Hameed G.* (2017). Dynamic Reflections of Crimes, Quasi Democracy and Misery Index in Pakistan // *Social Indicators Research*. Vol. 133. No. 1. Pp. 31–45.
- Schneider A.* (2019). Deterrence Theory in Paraguay: Exploring Fraud and Violation of Trust Cases // *Social Sciences*. Vol. 8. No. 1. Pp. 1–17.

- Stewart F. (2016). Changing Perspectives on Inequality and Development // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 51. No. 1. Pp. 60–80.
- Sunshine J., Tyler T.R. (2003). The Role of Procedural Justice and Legitimacy in Shaping Public Support for Policing // *Law and Society Review*. Vol. 3. No. 37. Pp. 555–589.
- The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal (2006). Trubek D.M., Santos A. (eds.). — New York: Cambridge University Press.
- Tonry M. (2007). Determinants of Penal Policies. // *Crime and Justice*. Vol. 36. No. 1. Pp. 1–48.
- Tonry M. (2015). Is Cross-National and Comparative Research on the Criminal Justice System Useful? // *European Journal of Criminology*. Vol. 4. No. 12. Pp. 505–516.
- Tyler T.R. (2003). Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law // *Crime and Justice*. Vol. 30. Pp. 283–357.
- Van Dijk J. (2008). *The World of Crime: Breaking the Silence on Problems of Security, Justice and Development across the World*. — Newbery Park: SAGE Publications.
- Yong-Shik L. (2017). General Theory of Law and Development // *Cornell International Law Journal*. Vol. 50. No. 3. Pp. 415–472.

Баженова Таисия Алексеевна

tbazhenova@hse.ru

Taisiya Bazhenova

Postgraduate student, Department of Economic Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Analyst, Institute for Social Policy, HSE University (Moscow)

tbazhenova@hse.ru

CROSS-COUNTRY COMPARISONS OF THE PERFORMANCE OF LAW ENFORCEMENT SYSTEMS IN A SOCIO-ECONOMIC CONTEXT: ANALYSIS OF DYNAMICS USING THE DEA METHOD

Abstract. Currently, in the post-Soviet countries, the topic of reforming the police, courts, and prisons (criminal justice system, CJS) is widely discussed at the public talk level. To reform and to improve them at the state level, the cross-country comparison of their performance, based on international experience, is meaningful. It helps to assess reforms' actual necessity, possible directions, and "role-model" numbers. Is it possible to assess the performance comprehensively, not ignoring the socio-economic context, dynamically at the national level, using the open data? The answer, taking into account the methodological and substantive limitations (lack of data, missing values, changing the methodology of analyzed indices, various perceptions of a proper CJS performance), seems to be the calculation of an integral indicator of the CJS performance, which allows, in the context of the socio-economic situation in the country, to look at its change over time and to relate it with the maximum possible number of other countries without cutting the option of further statistical analysis complication.

The calculated DEA (Data Envelopment Analysis) model allows us to analyze the aforementioned problem. It includes 8 variables on CJS functioning, its subjective perception, loading, and resources for 31 countries in 2004, 2008, and 2014. Four main trends of changes in the performance of countries over time were identified. The main possible reasons for the dynamics obtained for 9 countries, the most prominent representatives of the identified trends, are considered. The resulting index is in itself more informative than the existing assessments of the CJS, and can also be easily used in further statistical modeling, in particular, clustering, SEM-modeling, etc.

Keywords: *cross-country comparisons, the effectiveness of the criminal justice system, resource provision.*

JEL: A14, Z13.

REFERENCES

- Abu N., Staniewski M.W. (2019). Determinants of Corruption in Nigeria: Evidence from Various Estimation Techniques // *Economic Research-Ekonomska Istrazivanja*. Vol. 32. No. 1. Pp. 3058–3082.
- Alford C.F. (2000). What Would it Matter if Everything Foucault Said about Prison Were Wrong? Discipline and Punish after Twenty Years // *Theory and Society*. Vol. 29. No. 1. Pp. 125–146.
- Anser M.K., Yousaf Z., Nassani A.A., Alotaibi S.M., Kabbani A., Zaman K. (2020). Dynamic Linkages between Poverty, Inequality, Crime, and Social Expenditures in a Panel of 16 Countries: Two-Step GMM Estimates // *Journal of Economic Structures*. Vol. 9. No 1. Pp. 1–25.
- Aromaa K., Heiskanen M. (eds.) (2008). *Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004*. — Helsinki: Hakapaino Oy.
- Audretsch D.B., Seitz N., Rouch K.M. (2018). Tolerance and Innovation: The Role of Institutional and Social Trust // *Eurasian Business Review*. Vol. 8. No. 1. Pp. 71–92.

- Bello P.O. (2018). Criminal Justice Response to Human Trafficking in Nigeria and South Africa: Suggestions for Better Performance // *Contemporary Justice Review*. Vol. 21. No. 2. Pp. 140–158.
- Broussard G. (2017). Building an Effective Criminal Justice Response to Wildlife Trafficking: Experiences from the ASEAN Region // *Review of European Comparative & International Environmental Law*. Vol. 26. No. 2. Pp. 118–127.
- Capasso S., Goel R.K., Saunoris J.W. (2019). Is it the Gums, Teeth or the Bite? Effectiveness of Dimensions of Enforcement in Curbing Corruption // *Economics of Governance*. Vol. 20. No. 4. Pp. 329–369.
- Chamlin M., Myer A. (2009). Disentangling the Crime-arrest Relationship: The Influence of Social Context // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 25. No. 4. Pp. 371–389.
- Clausen B., Kraay A., Nyiri Z. (2011). Corruption and Confidence in Public Institutions: Evidence from a Global Survey // *World Bank Economic Review*. Vol. 25. No. 2. Pp. 212–249.
- Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004*. (2008). K. Aromaa, M. Heiskanen (eds.). — Helsinki: Hakapaino Oy.
- D'Amico D.J., Williamson C.R. (2019). An Empirical Examination of Institutions and Cross-Country Incarceration Rates // *Public Choice*. Vol. 180. No. 3. Pp. 217–242.
- Druzin B.H., Wan A.S. (2015). The Theatre of Punishment: Case Studies in the Political Function of Corporal and Capital Punishment // *Washington University Global Studies Law Review*. Vol. 14. No. 3. Pp. 357–398.
- Foucault M. (2015). *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. — Moscow: Ad Marginem. (In Russ.).
- Goel R.K., Mazhar U., Nelson M.A. (2016). Corruption Across Government Occupations: Cross-National Survey Evidence // *Journal of International Development*. Vol. 28. No. 8. Pp. 1220–1234.
- Goulas E., Zervoyianni A. (2013). Economic Growth and Crime: Does Uncertainty Matter? // *Applied Economics Letters*. Vol. 20. No. 5. Pp. 420–427.
- Handbook of Justice Research in Law* (2001). J. Sanders, V.L. Hamilton (eds.). — New York: Plenum.
- Hashimoto E.J. (2011). Class Matters // *Journal of Criminal Law & Criminology*. Vol. 101. No. 1. Pp. 31–76.
- Hensell S. (2012). The Patrimonial Logic of the Police in Eastern Europe // *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. No. 5. Pp. 811–833.
- Hickman M., Rice S. (2010). Digital Analysis of Crime Statistics: Does Crime Conform to Benford's Law? // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 26. No. 3. Pp. 333–349.
- International Statistics on Crime and Justice* (2010). S. Harrendorf, M. Heiskanen, S. Malby (eds.). — Helsinki: HEUNI.
- Kądziołka K. (2016). Analysis of the Crime Rate in Poland in Spatial and Temporal Terms // *Central and Eastern European Journal of Management and Economics*. Vol. 4. No. 1. Pp. 81–96.
- Keenan M., Zinsstag E., O'Nolan C. (2016). Sexual Violence and Restorative Practices in Belgium, Ireland and Norway: A Thematic Analysis of Country Variations // *Restorative Justice*. Vol. 4. No. 1. Pp. 86–114.
- Kubbe I. (2018). Europe's «Democratic Culture» in the Fight against Corruption // *Crime, Law & Social Change*. Vol. 70. No. 2. Pp. 217–240.
- Lauritsen J. (2010). Advances and Challenges in Empirical Studies of Victimization // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 26. No. 4. Pp. 501–508.
- Law J., Quick M., Chan P. (2014). Bayesian Spatio-Temporal Modeling for Analysing Local Patterns of Crime Over Time at the Small-Area Level // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 30. No. 1. Pp. 57–78.
- Lind E.A., Tyler T.R. (1988). *The Social Psychology of Procedural Justice*. — New York: Plenum.
- Macchia L., Plagnol A.C. (2019). Life Satisfaction and Confidence in National Institutions: Evidence from South America // *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 14. No. 3. Pp. 721–736.
- McDowall D., Loftin C. (2009). Do US City Crime Rates Follow a National Trend? The Influence of Nationwide Conditions on Local Crime Patterns // *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 25. No. 3. Pp. 307–324.
- Meloni O. (2014). Does Poverty Relief Spending Reduce Crime? Evidence from Argentina // *International Review of Law & Economics*. Vol. 39. Pp. 28–38.
- Miles T.J., Cox A.B. (2014). Does Immigration Enforcement Reduce Crime? Evidence from Secure Communities // *Journal of Law & Economics*. Vol. 57. No. 4. Pp. 937–973.
- Murphy K., Hinds L., Fleming J. (2008). Encouraging Public Cooperation and Support for Police // *Policing and Society: An International Journal of Research and Policy*. Vol. 18. No. 2. Pp. 136–155.
- Nassani A.A., Aldakhil A.M., Abro M.M.Q., Zaman K. (2018). Effective International Tourism Management: A Strategic Approach // *Social Indicators Research*. Vol. 137. No. 2. Pp. 1201–1224.
- Nelken D. (2010). *Comparative Criminal Justice: Making Sense of Difference*. — London: SAGE Publications Ltd.
- Ouimet M., Langlade A., Chabot C. (2018). The Dynamic Theory of Homicide: Adverse Social Conditions and Formal Social Control as Factors Explaining the Variations of the Homicide Rate in 145 Countries // *Canadian Journal of Criminology & Criminal Justice*. Vol. 60. No. 2. Pp. 241–265.
- Palmer C., Phillips D.C., Sullivan J.X. (2019). Does Emergency Financial Assistance Reduce Crime? // *Journal of Public Economics*. Vol. 169. No. 3. Pp. 34–51.
- Paneyakh E. (2014). Faking Performance Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 2–3. Pp. 115–136.

- Pechansky F., Chandran A., Sousa T.* (2016). Bridging a Historical Gap: Can Changes in Perceptions of Law Enforcement and Social Deterrence Accelerate the Prevention of Drunk Driving in Low and Middle-Income Countries? // *Revista Brasileira de Psiquiatria*. Vol. 38. No. 2. Pp. 161–166.
- Reisig M.D., Bratton J., Gertz M.G.* (2007). The Construct Validity and Refinement of Process-Based Policing Measures // *Criminal Justice and Behavior*. Vol. 8. No. 34. Pp. 1005–1028.
- Rueda D., Stegmueller D.* (2016). The Externalities of Inequality: Fear of Crime and Preferences for Redistribution in Western Europe // *American Journal of Political Science*. Vol. 60. No. 2. Pp. 472–489.
- Saboor A., Sadiq S., Khan A., Hameed G.* (2017). Dynamic Reflections of Crimes, Quasi Democracy and Misery Index in Pakistan // *Social Indicators Research*. Vol. 133. No. 1. Pp. 31–45.
- Schneider A.* (2019). Deterrence Theory in Paraguay: Exploring Fraud and Violation of Trust Cases // *Social Sciences*, Vol. 8. No. 1. Pp. 1–17.
- Stewart F.* (2016). Changing Perspectives on Inequality and Development // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 51. No. 1. Pp. 60–80.
- Sunshine J., Tyler T.R.* (2003). The Role of Procedural Justice and Legitimacy in Shaping Public Support for Policing // *Law and Society Review*. Vol. 3. No. 37. Pp. 555–589.
- The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal* (2006). Trubek D.M., Santos A. (eds.) New York: Cambridge University Press.
- Tonry M.* (2007). Determinants of Penal Policies. // *Crime and Justice*. Vol. 36. No 1. Pp. 1–48.
- Tonry M.* (2015). Is Cross-National and Comparative Research on the Criminal Justice System Useful? // *European Journal of Criminology*. Vol. 4. No. 12. Pp. 505–516.
- Tyler T.R.* (2003). Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law // *Crime and Justice*. Vol. 30. Pp. 283–357.
- Van Dijk J.* (2008). *The World of Crime: Breaking the Silence on Problems of Security, Justice and Development across the World*. London: SAGE Publications Ltd.
- Volkov V.V., Grigoriev I.S., Dmitrieva A.V., Moiseeva E.N., Chetverikova I.V.* (2012). *Pravookhranitel'naya deyatel'nost' v Rossii: struktura, funktsionirovaniye, puti reformirovaniya* [Law Enforcement in Russia: Structure, Functioning, Ways of Reforming / Ed. V.V. Volkov]. St. Petersburg: IPP EU. (In Russ.).
- Yong-Shik L.* (2017). General Theory of Law and Development // *Cornell International Law Journal*. Vol. 50. No. 3. Pp. 415–472.